

МАРИНА ВЕТРОВА

БИКТИВНАЯ
ДЕВУШКА СЫНА РЕКТОРА.
Я НЕ ТВОЯ ИГРУШКА!

Марина Ветрова

**Фиктивная девушка сына
ректора. Я не твоя игрушка!**

«Автор»

2026

Ветрова М.

Фиктивная девушка сына ректора. Я не твоя игрушка! /

М. Ветрова — «Автор», 2026

На глазах у всей академии соперница подменила мои ноты. Я сорвала выступление и едва не лишилась стипендии. Тогда Марк Орлов, богатый сын ректора, предложил сделку:— Стань моей девушкой на семестр. Я спасу твою карьеру. Я согласилась. Теперь он выбирает мне платья, диктует правила и называет своим инструментом. А моё сердце предательски замирает, когда мы играем вместе. Но я нашла старые документы. Оказывается, семья Марка присвоила симфонию моего покойного отца и разрушила его репутацию. Теперь мне предстоит сыграть перед всей академией, разоблачить ложь и разорвать контракт. Только смогу ли я отказаться от человека, которого успела полюбить?

© Ветрова М., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	8
Глава 3	10
Конец ознакомительного фрагмента.	12

Марина Ветрова

Фиктивная девушка сына ректора. Я не твоя игрушка!

Глава 1

В зале «Крецендо» опять забыли протереть рояль. Провела ладонью по крышке, оставила дорожку в пыли и тут же вытерла пальцы о юбку: только грязных клавиш мне не хватало. Последняя страница на месте. Все остальные тоже. За этот ноктюрн мне нужны были хорошие баллы, а за баллы — стипендия. После папиной смерти прошло пять лет, но клиника до сих пор присылала маме счета.

На банкетке было неудобно: всё время хотелось подвинуться выше. Я запретила себе возиться, поставила ноги рядом с педалью. Кира Лунская устроилась у края рояля со своей виолончелью и смотрела, как я готовлюсь. Другой уже сказали бы отойти. Но от её папы зависели спонсорские деньги, и Кира этим пользовалась даже на репетициях. Стоило маэстро сделать ей замечание, она начинала объяснять ему, как нужно играть.

— Так, Волкова, начни со второго такта, — бросил маэстро Верещагин, не поднимая глаз от партитуры. Его голос был сухим, как пергамент.

Подняла руки и задержала их над клавишами. Второй такт. Шопен, всё знакомо, дома получалось. Папа когда-то садился рядом, убирал мою руку с клавиши и показывал, как не торопиться. Сейчас показать было некому. Я взяла первый звук тише, чем собиралась, прислушалась и наконец смогла продолжить. На трудном переходе хотелось прибавить темп; удержалась.

Стул заскреб по ламинату. Я дёрнула плечом, но играть не перестала.

Зато перестала, когда ноты посыпались на пол. Кира задела их локтем — я видела, как она повернулась, хотя между стулом и роялем хватало места. Последняя взятая нота оказалась не той. Я отпустила педаль, и шорох листов слышно стало всему залу.

— Извини, Алиса, — пропела Кира, даже не обернувшись. Повернув голову, я поймала её улыбку. Кира даже не пыталась её спрятать. — Неуклюжая я сегодня. Струны виолончели такие скользкие...

Маэстро Верещагин вздохнул. Я уже знала, кому достанется за сорванную репетицию. — Волкова, сосредоточься. У нас мало времени. Если ты будешь отвлекаться на каждую мелочь, нам не о чем говорить. Собирай бумаги и играй дальше.

Хотелось показать ему на Киру: вот она, стоит, даже не нагнулась помочь. Но маэстро уже смотрел на меня. Я сползла с банкетки и стала собирать листы. Под ножкой стула застрял последний; потянула — угол надорвался. Сзади кто-то негромко прыснул. Ох, спасибо. Очень полезно, особенно сейчас.

В дверях появился Марк Орлов. Со своим футляром он выглядел так, будто приехал на концерт, а по ошибке попал к нам, на разбор чужого позора. Сын ректора, лучший скрипач курса. Для него открывали классы, которые нам даже бронировать не давали. Я собирала бумагу у его ног и очень надеялась, что он пройдёт дальше. Он прислонился к колонне.

— Творческий кризис? Или просто рассеянность, свойственная тем, кто не уверен в себе? — его голос был бархатным, но от него мурашки бежали по спине. Он произнёс это достаточно громко, чтобы услышали даже у двери.

Выпрямилась, едва не помяв собранную пачку. Пошёл к чёрту — три прекрасных слова. В голове я произнесла их отчётливо и с удовольствием. Вслух сказать не вышло: маэстро ждал,

Марк смотрел, а завтра мне опять идти сюда. Отвернулась к инструменту, положила ноты на пюпитр и села. Сейчас доиграю. Потом можно злиться сколько угодно.

— Продолжайте, — приказал маэстро.

Вступила снова. Пока пальцы находили знакомые аккорды, я проверяла взглядом страницы. Смешок Киры ещё слышался; хотелось обернуться и поймать её за этим. Не стала. Перед репетицией проверяла папку трижды. Ничего не забыла, ни одного листа. И сейчас листы были здесь — на пюпитре, под моей рукой.

Перед каденцией подалась ближе к нотам. Здесь нужно было держать трель, не сбить переход. Перевернула лист, уже готовясь к следующему такту.

И остановилась.

На странице не было нот. Я заглянула под неё — вдруг взяла сразу две? Нет, под ней тоже лежал чистый лист. Нотная бумага, линии есть, а играть нечего. Такого в моей папке быть не могло.

Попыталась продолжить по памяти. Начало каденции вспомнилось, дальше — ничего. Можно вернуться на такт назад, начать ещё раз. Я попробовала найти его взглядом на предыдущей странице и не сумела даже перевернуть лист: пальцы липли к бумаге. Всё, Алиса. Приехали.

Сначала рассмеялись за спиной. Потом сбоку, где сидела Кира. Я смотрела в ноты, потому что лица сейчас были бы хуже. Щёки остыли, а ладони стали такими мокрыми, что хотелось спрятать их между коленями. Вдохнула, но воздуха будто не хватило. Ещё раз. Слышала, как сама пытаюсь дышать, и знала: слышат они тоже.

— Алиса? — голос маэстро звучал откуда-то издалека. — Что случилось?

У меня даже «страницу» сказать не получилось. Маэстро спросил, а я сидела и смотрела на влажные следы на клавишах. Нужно было показать ему пустой лист, попросить минуту. В голове вместо этого крутилась сумма следующего платежа клинике. Мама ждала перевод в конце месяца. Что я ей переведу?

Маэстро Верещагин встал и подошел ко мне. Его лицо было непроницаемым камнем. — Ты потеряла страницу? Или ты решила, что импровизация заменит подготовку? — в его голосе не было гнева, только разочарование, которое било сильнее удара. — Прослушивание скоро. Если ты не можешь контролировать элементарную дисциплину, почему я должен давать тебе место в филармонии?

— Это не моя ошибка, — мой голос сорвался на шепот. — Кто-то...

— Не оправдывайся, — перебил он. — Халатность наказуема. Особенно в «Крещендо». Разбор окончен. Волкова, остаешься после занятия. Мы обсудим твою пригодность для дальнейшей учебы.

Стулья задвигались, студенты потянулись к выходу. Кира прошла мимо и задела моё плечо, хотя я сидела неподвижно. Хотелось схватить её за рукав. Спросить при всех, зачем она это сделала. Но последними словами маэстро было «обсудим пригодность», и они держали меня на банкетке крепче любого приказа.

Маэстро закрыл свою папку. Я ждала, когда он начнёт разговор, и разглаживала порванный угол страницы. Он всё не начинал.

У входа оставался Марк. Футляр уже поставил на пол. Значит, уходить пока не собирался.

— Вы свободны, маэстро, — сказал он спокойно, и Верещагин, удивленно моргнув, кивнул и вышел, оставив нас наедине.

Тишина стала давящей. Марк медленно обошел рояль, глядя на мои руки, все еще лежащие на клавишах. — Эффектно, — констатировал он. — Почти театрально.

Я подняла глаза. Гнев, накопившийся за эти часы, дал мне силы. — Ты знаешь, что это был саботаж.

— Знаю ли я? — Марк усмехнулся, прислонившись спиной к стене. — Может быть. А может, ты просто недостаточно хороша, чтобы заметить подмену заранее. В этом мире, Алиса, побеждает тот, кто видит угрозу до того, как она станет проблемой.

— Чего ты хочешь?

— Помощь, — сказал он просто. — Я могу достать архивные записи камеры над входом в зал. Оттуда виден рояль. Можно проверить, что Кира делала с твоими нотами до репетиции. Это улика. Без неё тебя исключат завтра же. За систематическую ненадежность.

Камера. Как я сама не подумала о камере? Захотелось прямо сейчас бежать к охране и требовать запись. Но Марк говорил об этом так спокойно, что я задержалась. Он предложил выход ровно тогда, когда остальные двери передо мной закрылись. И пока не сказал, что попросит взамен.

— И какова стоимость этой услуги? — спросила я, стараясь, чтобы голос не дрожал.

Марк сделал шаг ближе. Запах его парфюма — дорогой древесный мускус — ударил в нос, сбивая с толку. — Мне нужна ширма. Отец требует, чтобы я привел в порядок свой имидж. Никаких случайных связей, никаких скандалов. Ему нужен образ стабильности, а мне — покой. Стань моей девушкой на один семестр. Публично. Для всех.

Смех вырвался сам собой. Горький, истеричный. — Ты издеваешься? Чтобы прятаться от поклонниц, тебе нужно использовать меня? Ту, кого ты только что назвал бездарностью?

— Я не называл тебя бездарностью. Мне нужен инструмент, — ответил он холодно. — Хороший инструмент. Ты умная, красивая в своей угловатости и голодная. Это идеальная комбинация. Плюс, если ты согласишься, я гарантирую, что Кира не сможет приблизиться к тебе даже на метр. Моя защита надежна.

— Нет, — я схватила сумку. — Ты мразь. Я найду другой способ.

Марк не двигался с места. Он только чуть склонил голову, и в его глазах мелькнуло что-то опасное. — Как хочешь. Но помни: завтра утром ректор объявит список «некомпетентных» студентов. Твое имя будет первым. Стипендию аннулируют. Тебя выселят из общежития в течение суток. Куда ты пойдешь? Домой, к маме и долгам?

За ремень сумки держалась так сильно, что заныло запястье. Он знал и про общежитие, и про маму. Не просто слышал мою фамилию на занятиях — успел разобраться, чем меня можно остановить. Я отступила от двери. Марк усмехнулся; злость на него вернулась, но ноги больше не слушались.

Глава 2

В общежитии на третьем этаже кто-то заварил лапшу прямо в коридоре. Я едва не наступила на крышку от стаканчика. Обычно сделала бы замечание — здесь и без того негде разойтись. Сейчас перешагнула и пошла дальше, к 304-й. Хотелось только снять куртку и закрыться от всех.

У нашей двери остановилась. Женя и Полина смеялись так громко, что заходить уже расхотелось. Может, подождать внизу? Но тогда я ещё час буду болтаться по общежитию из-за них.

— ...представляете, ей вообще нечем играть! — визгливый голос Жени долетел до меня раньше, чем я открыла дверь. — Пустые страницы! Это же полный провал. Говорят, маэстро хотел её сразу выгнать.

— А Кира такая молодец, правда? — хихикала Полина. — Всё подстроила идеально.

Я вошла. Обе замолчали, уставившись на меня с выражением ложного сочувствия. — Алиса! Как ты? — Женя протянула руку, будто хотела погладить меня по голове.

Её ладонь осталась в воздухе. Я прошла к кровати и села, хотя в куртке было жарко. Телефон завибрировал. Сначала решила, что мама: только бы не она, только бы сейчас не пришлось говорить нормальным голосом. На экране высветилось имя Киры.

Фотография. Пустой лист на рояле. Подпись: «Сочувствую. Иногда талант не спасает от собственной глупости. *эмодзи поцелуй*»

Нажала кнопку блокировки и бросила телефон на подушку. Экран погас, а подпись Киры всё ещё стояла перед глазами. Слеза упала на рукав; вытерла её другим рукавом, стало только мокрее. Соседки притихли. Я повернулась к стене, чтобы хотя бы лица они не видели.

Мама бы сказала: сначала умойся, потом будем решать. Я могла почти услышать её голос. Но позвонить ей означало произнести вслух, что меня, возможно, исключат. Она опять начнёт считать — платёж, дорогу домой, продукты. Опять уберёт что-то из своего списка, чтобы хватило мне. Нет, сегодня звонить нельзя. Хоть одну ночь пусть ничего не знает.

Легла, не раздеваясь, и уткнулась в подушку. Женя прошептала что-то Полине, я притянула подушку плотнее. Завтра надо идти либо в деканат, либо к Марку. Первый вариант знала наизусть: заявление, обходной лист, сборы. Второй ещё вчера показался бы мне немыслимым. Теперь я пыталась придумать условия, с которыми можно к нему явиться.

— — —

К утру пересчитала все щели на потолке. Засыпала ненадолго, просыпалась с одним и тем же ощущением: уже опоздала, решение принято без меня. В одном сне мама поднимала трубку и долго молчала. После него я больше не ложилась. Села на край кровати, застегнула куртку и стала повторять то, что собиралась сказать Марку.

К десяти добралась до его студии в крыле композиции. На двери не было расписания, как у остальных классов. Можно было сидеть внутри хоть весь день и никого не впускать. Я задержала руку перед дверью: ещё оставалось несколько секунд, в которые он не знал, что я пришла.

Постучала. Подождала меньше, чем стоило, и открыла дверь сама.

Марк сидел за столом, заваленным нотными рукописями. Он не выглядел удивленным. Он снял наушники и посмотрел на меня своими темными, глубокими глазами. — Раньше срока. Я ожидал тебя ближе к обеду. Голод заставляет искать любые способы выжить.

— Условия, — сказала я. Вышло громче, чем пробовала в комнате. Хорошо. Пусть не услышит, как я едва не передумала за дверью.

Марк откинулся на спинку кресла, сцепив пальцы домиком. — Повтори.

— Я стану твоей фиктивной девушкой на семестр. Я буду играть идеально, чтобы никто не сомневался в нашем «союзе». Ты обеспечишь мне алиби против обвинений в халатности, доступ к лучшим инструментам академии и защиту от Киры. Но главное... ты должен гарантировать, что я попаду на финальный конкурс «Золотой ключ».

Марк усмехнулся. Эта улыбка была странной. Не ехидной, а скорее... печальной? — Ты думаешь, я могу гарантировать победу в конкурсе? Судьи там независимые.

— Ты сын ректора. Ты можешь обеспечить условия, при которых моя игра будет оценена объективно. Без вмешательства Киры. Без слухов о моей «продажности».

Марк встал и обошел стол. Он подошел вплотную. Так близко, что я видела каждую ресницу, каждый блик света в его зрачках. — Почему именно я? — спросила я тихо. — Есть сотни девушек, которые мечтают оказаться в постели Орлова. Зачем брать ту, которую травят?

— Потому что другие сломаются от первого же вопроса репортера. А ты уже сломлена изнутри, но снаружи держишься крепко. Мне нужен партнер, который понимает цену падения.

Хотела спросить, откуда он знает, сломлена я или нет. Он ни разу не слышал меня на нормальной репетиции. Но Марк вдруг перестал улыбаться. — Есть ещё кое-что, о чём ты не спрашивала. И что изменит всю картину.

Он наклонился, понизив голос до шепота, от которого у меня побежали мурашки по коже. — Твой отец. Виктор Волков. Великий пианист, которого обвинили в краже чужой симфонии. Слухи ходили годами. Но это ложь. Твой отец был гением, а те, кто украл его славу, были... родственниками моего отца.

Я отодвинулась, чтобы рассмотреть его лицо. Он мог сейчас врать — о защите, о конкурсах, о чём угодно. Но папину фамилию произнёс без той усмешки, с которой её обычно произносили здесь. — Ты знаешь?

— Я знаю всё, Алиса. Именно поэтому я выбрал тебя. Не только для статуса. Хочу, чтобы отец снова слышал музыку Волкова. На собственной сцене. Он от этого имени до сих пор вздрагивает. А твой талант — мой лучший инструмент.

Если он говорил правду, моя игра была нужна ему ещё зачем-то, кроме красивой фотографии с девушкой. Я даже успела обрадоваться, а потом стало стыдно. Он только что пригрозил выселением. Такое не забывают из-за двух хороших фраз про отца. И всё-таки уйти, не узнав больше, уже не могла.

— Согласна? — спросил Марк, протягивая руку. Его пальцы были длинными, сильными, холодными.

Посмотрела на татуировку у него на руке: скрипичный ключ, колючая проволока. Вчера назвала бы это позёрством. Сейчас хотелось разглядывать что угодно, лишь бы не отвечать. Марк терпеливо держал ладонь передо мной. Он явно знал, сколько мне потребуется времени.

Можно ещё сказать «нет». Дойти до охраны, попытаться получить запись самой. Возможно, мне даже поверят. А возможно, завтра придётся объяснять маме, зачем я полезла спорить с сыном ректора. У Марка хотя бы были обещания, которые я могла потребовать исполнить. За конкурс и папино имя я готова была держаться — даже за такой отвратительный шанс.

Положила свою ладонь в его. Он сжал её сразу, будто боялся, что успею передумать. Под холодными пальцами чувствовался пульс. Я не стала выдёргивать руку. Смотрела ему в лицо, чтобы он понимал: слышу каждое слово и забуду не скоро.

— Договорились, — сказал Марк, и его улыбка была похожа на оскал акулы. — Но помни, Алиса: я могу сделать тебя королевой этого бала. Или превратить в пепел. Выбор за тобой... хотя ты уже всё выбрала.

Глава 3

После вчерашнего рукопожатия сон так и не пришёл. Теперь даже повернуться к стене не помогало: за ней кто-то занимался гаммами на виолончели. Одно место у него всё время не получалось. Я ждала следующей ошибки, злилась на себя за это и наконец встала. Чужую репетицию я ещё могла пережить. Собственный голод уже нет.

К столовой шла, глядя под ноги. Вчера могла сама выбирать, с кем завтракать. Сегодня у входа стоял Марк. Чёрная водолазка, плечо почти касается дверного косяка — обойти, не задев, не получится. Он даже не потрудился сделать вид, что мы встретились случайно. А я ещё у зеркала пробовала улыбнуться ему как девушке своему парню. Вот дура.

— Ты опоздала на две минуты, — сказал он. Тихо, но опоздание мне, видимо, запомнят.

— Я шла со скоростью человека, которого позавчера публично называли пустой тетрадью, — огрызнулась я, пытаюсь проскользнуть мимо его плеча.

Попыталась протиснуться мимо. Его ладонь легла мне на грудь поверх худи. Я остановилась — от неожиданности, от того, что уже повернули головы за столами. Он мог придержать дверь. Мог сказать «подожди». Выбрал так, чтобы все увидели, как я подчиняюсь.

— Если ты хочешь сохранить стипендию, Алиса, то будешь сидеть рядом со мной. Прямо сейчас. Любая попытка саботажа сделки будет стоить тебе не только денег, но и возможности вообще здесь находиться. Отец любит порядок. А мы создаём хаос? Нет. Мы создаём иллюзию порядка.

Он нажал сильнее; край пальца пришёлся на ключицу. Я отвела его ладонь, прежде чем зайти. Хотя бы этого позора им не достанется.

За столом выбрала место напротив. Пускай объясняет, почему мы сидим не рядом, если кому-то интересно. В столовой стучали ложками, шумели. Среди этого шума не сразу заметила Киру. Она подошла с соком, задержалась возле моего плеча. Я захлопнуть тетрадь не успела.

— Бедняжка, — протянула она, глядя на меня сверху вниз. — Ты так нервничала на репетиции. Тетрадь была... пуста. Странное совпадение для такой талантливой девушки. Может, стоит проверить свои запасы бумаги?

Прежде чем я успела ответить, Кира «случайно» наклонила бокал над моей раскрытой тетрадью с нотами Шопена. Я хотела разобрать трудный такт за завтраком. Сок выплеснулся прямо на страницы, растекаясь желтоватыми пятнами по нотному листу.

— Ой! Прости, Марк. Но твоя девушка совсем не следит за своими вещами. Тебе стоит быть строже с ней, иначе она опозорит тебя на вечере спонсоров.

Жёлтое пятно дошло до нижней строки. Я подняла тетрадь за сухой угол; с неё закапало на стол. Хотелось плеснуть Кире обратно — вместе с размокшими нотами. Но вот тогда маэстро услышал бы уже о моём хамстве. Опустила тетрадь и посмотрела на Марка. Что ж, давай. Ты обещал защиту.

Кира потянулась за салфеткой. Марк поймал её запястье над столом. Сначала она продолжала улыбаться, затем попробовала высвободить руку. Я выпрямилась: впервые за эти дни смотреть пришлось не на меня. Марк держал её и ждал, пока она перестанет тянуться.

— Она моя девушка, — произнес он ровно, без интонации. — Её ошибки — мои ошибки. Но твоя грязь на чистом листе — это уже хамство.

Он взял салфетку из руки Киры, вытер пятна с тетради (бесполезная трата, бумага вздулась), а затем бросил мокрую салфетку обратно в лицо Лунской.

— Убирайся.

Кира прижала салфетку к щеке. Под ней осталось пятно сока. Открыла рот, но Марк уже смотрел в меню. Тогда она развернулась и пошла между столами. Никто ей вслед не засмеялся.

Зато на мою тетрадь смотрели все. Я промокнула нижнюю страницу и поняла: бумагу уже не спасти.

— — —

К вечеру всё ещё хотелось вымыть руки от липкого сока. Вместо этого пошла в класс — разобрать Скрябина.

Через два часа пришёл Марк. Я уже несколько раз сыграла начало без ошибки и надеялась, что он услышал хотя бы последнюю попытку. Он сел рядом и забросил ногу на ногу, не предлагая остановиться. Значит, сейчас будет список всего, что я делаю не так.

— Сухо. Механически. Ты играешь пальцами, Алиса, а не нервами. Где боль? Где кровь?

— Я пытаюсь попасть в ритм, а не истекать кровью ради твоего удовольствия, — процедила я, не отрывая взгляда от клавиш.

— Пятьдесят раз. Тот же пассаж. Пока не будет идеально. Или я пойду к ректору и расскажу, как ты потеряла партитуру на репетиции.

Я начала снова. Сначала считала повторы про себя, потом сбилась. На десятом заныла кисть. Примерно на тридцатом разошлась заусеница, и большой палец оставил красную точку на белой клавише. Увидела её в конце фразы. Стерла рукавом и взяла вступление заново: Марк всё ещё сидел рядом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.